

— Срок ближе, но человек далеко, — ответил Шан Сижуй. — Глава труппы увез свою труппу в Ухань. Неужели я должен ехать туда за ним?

— А эту посмотри, — сказал Чэн Фэнтай. — Две тысячи юаней!

Шан Сижуй хлопнул в ладоши и с гордостью выхватил расписку:

— О, этот актер, играющий роли с раскрашенными лицами, — настоящая звезда! Его «Исследование Иньшань» ты обязательно должен посмотреть! Это просто шедевр! — И он начал напевать:

— Бао Лунту прибыл в Иньшань, чтобы расследовать, а Ю Люгуй, разгневанный несправедливостью, рассказал правду...

Чэн Фэнтай смутился:

— Ты что, начал петь? Я же говорю с тобой о деньгах, а не о театре!

Не найдя поддержки, Шан Сижуй с досадой собрал расписки и перевязал их, больше не показывая Чэн Фэнтаю:

— Деньги, деньги, вечно ты о деньгах! Что в них интересного? Ты такой мелочный!

Сяо Лай, в это время копошащаяся наверху, спустилась с маленьким плетеным чемоданчиком и вставила:

— Лучше вообще не говори с ним о деньгах! Терем Водных Облаков уже стал бездонной ямой. Любой, кто называет себя актером, стоит ему только попросить, и он тут же соглашается! А этот, который хорошо играет, что с него толку? Он везде берет в долг, чтобы курить опиум и ходить в публичные дома, а теперь вообще не выступает... Спроси его, сколько он за эти годы отдал этим бесстыдникам? Сколько сам накопил?

Сяо Лай, видимо, давно копила недовольство финансовыми принципами Шан Сижую, поэтому с жаром поддержала Чэн Фэнтая. Тот, польщенный, с улыбкой посмотрел на Шан Сижую. Тот уже раздраженно махнул рукой:

— Хватит! Я сам заработал эти деньги, и буду тратить их, как хочу! Это не ваше дело!

Сяо Лай швырнула чемоданчик ему в руки:

— Кому ты нужен! Вот найдешь себе строгую жену, тогда посмотрим, как ты будешь спорить!

Как только она повернулась, Чэн Фэнтай тихо прошептал Шан Сижую на ухо:

— Слышал? Жена тебя исправит!

Шан Сижуй косо взглянул на него и так же тихо ответил:

— Слышал! Жена!

Своих он не обижал! Чэн Фэнтай рассмеялся и потрепал его по затылку.

Нельзя сказать, что Шан Сижуй был безрассудно щедрым. У него были свои принципы. Например, если к нему приходил лицедей с просьбой о деньгах, он давал разную сумму в зависимости от того, хорошо тот играл или нет. Если деньги нужны были на жизнь или свадьбу, он мог дать несколько десятков юаней. Но если хороший актер хотел взять перерыв, Шан Сижуй, не будучи его родственником, готов был содержать его, обеспечивая мясом на каждый прием пищи. Сложно сказать, был ли он похож на Мэн Чанцзюня или просто был слишком добрым.

Шан Сижуй начал разбирать вещи из чемоданчика, и Чэн Фэнтай наконец спросил:

— Впервые вижу, как ты помогаешь Сяо Лай убираться. Что ты ищешь?

— Газета хочет опубликовать мою фотографию, — ответил Шан Сижуй. — Но посмотри на эти царапины на лице. Как я могу фотографироваться? Придется найти готовую.

Шан Сижуй, несмотря на свою любовь к красоте, не любил фотографироваться. Почти все его снимки были групповыми, и его лицо на них было размером с ноготь, что для газеты было бы совсем незаметно. Две фотографии, сделанные в саду, где он был запечатлен сбоку, одна с Сяо Лай, а другая с веткой, закрывающей его волосы. Продолжая копаться, Шан Сижуй и Чэн Фэнтай вдруг замерли, увидев одну фотографию. На ней Шан Сижуй был немного полнее, с короткими волосами и наивной улыбкой, сидел рядом с юной Цзян Мэнпин. Та тоже была полнее, с мягким овальным лицом и нежными чертами. Это была зима, они были одеты в светлые чаншани и ципао, но не выглядели замерзшими. Их улыбки были так похожи, что их можно было принять за родных сестер, и они выглядели невероятно счастливыми.

Чэн Фэнтай, опасаясь, что Шан Сижуй порвет фотографию, быстро выхватил ее из его рук и воскликнул:

— Шан Босс, какой ты красавец!

Шан Сижуй мрачно буркнул:

— Конечно!

На обороте фотографии было написано: «Подарок Цзян Мэнпин и Шан Сижую. Снято в ресторане Тайхэлоу в Пинъяне, восьмого числа первого месяца восемнадцатого года Республики».

Шан Сижуй снова забрал фотографию, и с тех пор, как он был с Чэн Фэнтаем, он все реже

вспоминал об этом человеке и этих событиях. Но, увидев что-то связанное с ними, он снова ощутил прилив ненависти. Чэн Фэнтай видел, как его пальцы сжимали фотографию так сильно, что кончики побелели, а его черные глаза горели от гнева. Казалось, он готов был вырвать Цзян Мэнпин из фотографии и проглотить ее.

Шан Сижуй гневно крикнул:

— Сяо Лай! Принеси ножницы!

Через мгновение Сяо Лай принесла ножницы и, увидев фотографию, поняла, что он собирается сделать. Чэн Фэнтай тоже думал, что он собирается уничтожить ее, но вместо этого Шан Сижуй безжалостно разрезал фотографию пополам. Половина с Цзян Мэнпин упала на пол, а свою он отдал Сяо Лай:

— Сохрани это. Когда журналист придет, отдай ему эту.

Чэн Фэнтай, воспользовавшись моментом, поднял фотографию Цзян Мэнпин, сдул с нее пыль и, не глядя на Шан Сижую, покачал головой:

— Посмотри на это круглое лицо! Такая уродина, как она может сравниться с нашим Шан Боссом? Когда Чан Чжисинь вернется, я покажу ему эту фотографию и посмеюсь над его вкусом! — С этими словами он аккуратно вложил фотографию в чековую книжку.

Шан Сижуй удовлетворенно кивнул:

— Верно! — И больше не стал спорить.

Позже Шан Сижуй сам рассказал Чэн Фэнтаю историю этой фотографии. В тот год он и Цзян Мэнпин были на пике славы в Пинъяне. Поклонник оперы пригласил их в ресторан Тайхэлоу на утку по-пекински, и Чан Чжисинь тоже пришел. Как только он появился, он обменялся с Цзян Мэнпин взглядом и незаметно взял ее за руку. Все в Тереме Водных Облаков, зная о привязанности Шан Сижую, старались скрыть это, чтобы он не заподозрил. Шан Сижуй заметил, но не придавал этому значения. Он с детства был необычайно наивен и вместо этого обрадовался, подумав, что у его старшей сестры и третьего молодого господина Чан такие хорошие отношения. С Чан Чжисинем, поддерживающим ее, она станет еще популярнее!

Рассказывая это, Шан Сижуй бил себя в грудь, сожалея, что не может вернуться в прошлое и швырнуть блинчики с уткой в лицо Чан Чжисиню:

— Я был дураком, правда, настоящим дураком! Эта парочка вела себя так влюбленно, а Юань Лань и другие, боясь, что я замечу, все время отвлекали меня, закармливая меня уткой! В тот день я съел целых две большие утки! Еле жив остался!

Эта история действительно звучала глупо, но Шан Сижуй уже сам осознал свою глупость, и Чэн Фэнтай не стал над ним смеяться, лишь сочувственно похлопал его по плечу.

Для посторонних это была забавная история, но для Шан Сижуй она вызывала лишь грусть. Чэн Фэнтай, чтобы развеселить его, учил его писать иероглифы, держа его руку и объясняя, что иероглиф «Фэн» в его имени означает «птица, завернутая в плащ». Шан Сижуй, всегда готовый подколоть, тут же начал смеяться над тем, что у Чэн Фэнтая птичье имя, за что тот уложил его на кровать и начал щекотать, пока Шан Сижуй не закатился со смеху. Они играли до вечера, и Шан Сижуй наконец развеселился.

Чэн Фэнтай, сделав вид, что смотрит на часы, перешел к главному:

— Сегодня я отведу Шан Босса в одно очень вкусное место.

Шан Сижуй загорелся и пошел переодеваться:

— Что за место? В Пекине есть что-то, чего я не пробовал?

Чэн Фэнтай похлопал его по животу:

— Ты что, такой большой живот у тебя есть?

— Конечно! — засмеялся Шан Сижуй. — Ты же знаешь, в нашем театральном мире есть те, кто не любит проституток, азартные игры и опиум, но нет никого, кто не любил бы поесть. Если где-то открывается новый ресторан с хорошей кухней, меня тут же приглашают попробовать!

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Шан Босс, ты действительно популярен. Сегодня в этом ресторане новое блюдо, и Юань Сяоди правильно сделал, что пригласил тебя.

Шан Сижуй, застегивая пуговицы, остановился:

— Юань Сяоди пригласил?

— Да, он хочет извиниться за свою наложницу.

<http://bllate.org/book/15435/1368659>